

УДК 821.352.3

DOI 10.31143/2542-212X-2019-3-263-273

**БЕТАЛ МАЧРАИЛОВИЧ ПШУНОКОВ.
МАТЕРИАЛЫ К ТВОРЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ****И.А. КАЖАРОВА**

*Институт гуманитарных исследований – филиал ФГБНУ «Федеральный научный центр
«Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»
360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: barsello@rambler.ru*

Аннотация. В статье изложены факты творческой биографии известного деятеля культуры Кабардино-Балкарии Бетала Мачраиловича Пшунокова. Его литературные опыты пока не становились объектом внимания исследователей. Актуальность подобной работы определяется тем, что без внимания к литературному наследию Бетала Пшунокова картина творчества известного в республике композитора-мелодиста останется неполной, а в истории кабардинской литературы будет пробел. Для истории кабардинской литературы он интересен еще и тем, что во многом продолжает творческие начинания своего отца, Мачраила Тликешевича Пшунокова, представителя национальной интеллигенции 1930-х годов, одного из тех, кто стоял у истоков кабардинской советской литературы. В настоящей работе представлен краткий обзор литературного творчества Бетала Пшунокова. Охарактеризованы его лирические произведения, песенная поэзия, драматургия и публицистика. Особое внимание уделено его рукописному наследию, в особенности воспоминаниям. Фрагменты воспоминаний публикуются впервые.

Ключевые слова: Бетал Пшуноков; биография; творчество; политические репрессии; Мачраил Пшуноков; память.

**BETAL MACHRAILOVICH PSHUNOKOV.
MATERIALS FOR CREATIVE BIOGRAPHY****I.A. KAZHAROVA**

*Institute of Humanitarian Researches – filial of the Federal State Budgetary Scientific
Establishment «Federal Scientific Center
«Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences»
360000, Nalchik, Pushkin st., 18
E-mail: barsello@rambler.ru*

Abstract. The article presents the facts of the creative biography of the famous worker of culture of the Kabardino-Balkar Republic Pshunokov Betal Machrailovich. Literary works Pshunokov Betal has not yet become the object of attention of researchers. The relevance of such work is justified by the fact that without attention to his literary heritage, the picture of the work of the well-known composer in the Republic will be incomplete, and another gap may form in the history of Kabardian literature. Image Pshunokov Betal interesting for the history of Kabardian literature that to some extent continues the creative endeavors of his father, a well-known figure of the 1930-ies Machrail Tlikeshevich Pshunokov, educator, standing at the foundations of Soviet Kabardian literature, and

the innocent victim in the years of political repression. Our work presents a brief overview of literary creativity Pshunokov Betal. His lyrical works, song poetry, drama and journalism are briefly characterized. Special attention is paid to his manuscript heritage, especially his memoirs. Fragments of memories are published for the first time.

Keywords: Betal Pshunokov; biography; creation; political repression; Machrail Pshunokov; memory.

Так сложилось, что любая цитата из художественного текста обязывает знать имя ее автора, но когда дело касается песенной поэзии, вопрос авторства отчасти утрачивает свою щепетильность. Возможно, в этом кроется один из парадоксов массового искусства: тексты популярных песен могут запоминаться целиком и надолго, однако привлечь внимание не столько к автору, сколько к исполнителю. Возможно также, дело в пограничном статусе такой поэзии. Ведь стихи, которые создавались специально для песенного исполнения, и стихи декламационной поэзии, которые лишь впоследствии могли оказаться положенными на музыку, означены в культуре по-разному: в первом случае нет особого расчета на бытие в книжной культуре, а ведь именно ее авторство всегда наглядно. Таким образом, творческая личность поэта-песенника скромно пребывает за кадром, в то время как его произведения могут быть популярны настолько, что легко узнаются даже по отдельным строчкам. Подобное наблюдается и в отношении Бетала Мачраиловича Пшунокова (1930-2008).

Известный в основном как композитор-мелодист, Бетал Пшуноков создал песенные тексты, настолько органичные своей национальной среде, что возникают ассоциации с фольклором адыгов. В 1978 году незначительное количество его произведений вышло отдельным сборником «Песни» («Уэрэдхэр»). Редакторский отбор predetermined очень скромный объем сборника, а большее, хоть и воплотилось в популярных песнях, так и осталось неопубликованным. Но кроме песенной поэзии были другие линии творчества – юморески, басни, драматургические произведения (пьесы, комедии), публицистические статьи. В данной работе мы представим обзор его литературных опытов, без внимания к которым картина творчества известного в республике композитора-мелодиста останется неполной, а в истории кабардинской литературы будет очередной пробел. Личность Бетала Пшунокова интересна еще и тем, что в определенной мере продолжает творческие начинания отца, известного деятеля национальной культуры 1930-х годов Мачраила Тликешевича Пшунокова. Мачраил Пшуноков – одного из тех, кто стоял у основ кабардинской советской литературы.

Ценный комментарий к пониманию творческой судьбы Бетала Пшунокова дает его личный архив. Он включает многочисленные рукописи, документы, и в настоящее время находится в распоряжении его сына, Артура Пшунокова. Некоторые материалы из этого архива использованы в данной работе.

Литературные способности Бетала Пшунокова были очевидны с юных лет. Еще школьником он активно участвовал в различных кружках самодеятельности, демонстрируя искусство владения художественным словом.

Способного и деятельного юношу часто приглашали на семинары республиканского Союза писателей. С самого начала настроение и жанровая направленность его сочинений несли на себе отсвет творческих поисков его отца.

Поэт, собиратель фольклора, один из тех, чьими силами создавалась писательская организация Кабардино-Балкарии. В согласии с ожиданиями времени Мачраил Пшуноков проявлял себя в разных областях общественной и политической работы, но главным для него было литературное и культурно-просветительное творчество. Последним местом его работы оказался им же организованный Дом культуры в селении Чегем I. Арестованный в феврале 1937 года по обвинению в антисоветской агитации Мачраил Пшуноков в июне того же года был приговорен к высшей мере наказания. Реабилитировать его имя удалось в мае 1957. «Организатор народного просвещения и культурно-просветительной работы» - так характеризует Бетал Пшуноков главное в разносторонней деятельности своего отца. [Пшуноков: Личный архив]. В общем-то, не будет натяжкой сказать, что именно культурно-просветительное направление окажется наиболее близким и для самого Бетала.

Произведения собственного сочинения, с которыми Бетал Пшуноков выходил к публике открывая концертные программы, удачно сочетали в себе меткость, свойственную поэтическим миниатюрам адыгских джегуако, и талант традиционного хатяко, в новых условиях приблизившегося по функции к конференсье. Это были стихи и юморески. Но важно понимать, что образ отца проясняет культурно-просветительные склонности Бетала Пшунокова и дополняет его путь светлыми тонами лишь в ретроспекции, на самом деле значительный отрезок этого пути проходит через годы, когда имя Мачраила Пшунокова было под запретом. И, разумеется, это обстоятельство имело свои проявления.

В 1953 году в Нальчик прибывает комиссия для набора студентов в кабардинскую студию при ГИТИСе. На тот момент Бетал Пшуноков учится на историко-филологическом факультете Кабардинского Педагогического института и параллельно работает в начальной школе селения Шалушка. Разумеется, решение поступить в ГИТИС не было для него случайным. Вот как он сам об этом рассказывает в документе, датированном этим же годом: «Мечтая о театре, об искусстве, с малых лет я начал работать над собой по развитию сценических навыков, принимал активное участие в художественной самодеятельности в школе, в районном Доме культуры, выступал неоднократно в районных конкурсах художественной самодеятельности, в республиканских конкурсах. Имею ряд благодарностей за активное участие в художественной самодеятельности, а две грамоты за художественное чтение на республиканском конкурсе 1952 года и за постановку одноактных пьес в 1953 году» [Пшуноков: Личный архив].

Экзамены для поступления на отделение режиссуры Бетал Пшуноков сдает блестяще. Его успехи комиссия отмечает особо. Сомнений нет, вскоре ему предстоит учеба в столице. Пшунокова назначают старостой набранной группы, он забирает документы из Пединститута, однако, вопреки ожиданиям,

не находит своей фамилии в списке зачисленных. Он сын репрессированного, и это обосновывает случившееся. Надеясь на поддержку, Пшуноков обегает все инстанции, обращается в Обком партии, к Первому секретарю Обкома КПСС, в Президиум Верховного Совета КАССР, в Министерство культуры... Обо всем этом подробно сказано в письме, которое замкнет цепочку этих обращений – «Председателю Президиума Верховного Совета СССР товарищу Ворошилову К. Е». Прошло немало времени, прежде чем вопрос был решен положительно. За этот период изменились многие обстоятельства, служебные и семейные. От мечты об учебе в ГИТИСе пришлось отказаться.

В 1954 он устраивается художественным руководителем Чегемского районного Дома культуры. Тогда же принимает участие в закрытом поэтическом конкурсе на лучший песенный текст. Он занимает второе призовое место. (Любопытно, что первое остается свободным). Конкурсное стихотворение, положенное на музыку его же собственного сочинения, вскоре становится широко известным как песня «Та, что меня вдохновляет».

Щалэм я гурылъу, лъэр схуэзыгъэпсынщІэ,
ЩыкІафэу щыІэм уофІэкІыж,
Жаныгъэр зи бащэу тхъэІухуд си плъаплэ,
Пащэщ нэ фІыщІитІыр, узокІуж.

Уэтэртес жэмышхэм щапхъэр зытырахыу,
Уэрэдыр си гум къыхэзыш,
Я нэхъ сыщешами къару къысхэзыльхъэ,
Си анэр уэ къохъуапсэ нысэу, уей!

Та, что грезится парням в мечтах, та, что меня вдохновляет,
Манерою ты превосходишь всех,
Полна проворства дивная красавица моей мечты,
Черноглаза ты и стройна.

Доярки, что трудятся на (вашем) стане, с тебя берут пример,
В моей душе ты пробуждаешь песню,
В минуты усталости мне силы возвращаешь,
Моя мама мечтает увидеть тебя своей невесткой!

(Перевод подстрочный. – И. К.)

Молодость и труд – воодушевляющий лейтмотив целой эпохи, и на разных ее отрезках он звучит по-разному. В поэзии послевоенных десятилетий, например, акцент заметно смещается на молодость.

Уже в раннем произведении Б.М. Пшунокова просматривается интерпретация этого лейтмотива, которая станет характерной для его творчества: труд, просвеченный через лиризм; лиризм, просвеченный через юмор.

Он начинает публиковаться в середине 50-х. Так, в 1955 его лирическое стихотворение «Стало ясно без слов» («Псальэншэу гурылуэгъуэ хъуащ») появляется на страницах литературно-художественного альманаха «Кабарда». Характерность, о которой мы только что говорили, делает заметными переключки с конкурсным стихотворением:

Уадэ хьэлъэр башу псынщӀэ сщощӀыр,
Сыдж зу макъыр уэрэд хуэдэу мӀу:
Уэ пщыхьэщхьэ сыпхуэзэнуц, сощӀэр –
Си къарум ІэнатӀэр хуримыкъу.
Жэщым уафэ бзыгъэм и сурэтыр,
Щиху псылуфэм Іутым и гуапагъ,
Фи куэбжэшхуэр дахэу зэрыщытыр
Пщтыр пхуэхъуа си гущӀэм сегъэлыгъу
[Пшуноков 1955: 139].

(В твоей власти я, и) Тяжкий молот кажется мне легче палки
Наковальни звон мне слышится как песнь:
Знаю, что с тобою вечером я встречусь –
Труд ничтожен для моих (возросших) сил.
Ночью небосвод прозрачен,
Тополь нежный у реки,
Ваши большие ворота смотрятся красиво
Жар сердца, устремленного к тебе, такими их рисует мне.
(Перевод подстрочный. – И. К.)

В дальнейшем на страницах периодических изданий республики будут появляться его новые поэтические сочинения, а также басни, юмористические миниатюры.

Он постоянно будет пробовать свои силы в различных творческих состязаниях, к слову, спустя некоторое время после поэтического конкурса станет лауреатом Всероссийского конкурса театрализованных фольклорных постановок.

В 1956 Бетала Пшунокова приглашают в Госфилармонию КАССР артистом разговорного жанра. В этот период он руководит фольклорной группой, вместе с которой гастролирует по всему Северному Кавказу. Короткий период времени он сотрудничает в отделе культуры по клубной работе Чегемского райисполкома, затем вновь принимает художественное руководство в Чегемском Доме культуры. И все это параллельно с педагогической работой – с 1954 по 1962 год он ведет уроки музыки в средней школе селения Чегем I.

В 1959 Бетал Пшуноков решает поступить на дирижерское отделение Нальчикского музыкального училища. В начале 60-х он вовлечен в культурно-массовую работу самодеятельных клубов Нальчика, сотрудничает

уполномоченным по организации концертов. Стремясь к совершенствованию своего мастерства, он много и упорно работает над собой.

Произведения Бетала Пшунокова будут уже широко популярны в республике, когда он станет студентом-заочником филологического факультета Кабардино-Балкарского госуниверситета (1970 – 1976). Основной исследовательский интерес и накопленный к тому времени опыт определяют тему его дипломного сочинения: «Некоторые вопросы организации фольклорной работы в Кабардино-Балкарии» (1976).

Научный руководитель И.И. Тресков в своем отзыве посчитает необходимым сказать об авторе работы, что «его личный вклад в наше национальное искусство выше всяких оценок, которые можно вывести в документе об образовании. Тем более отраднo, что помимо этого вклада композитор, поэт и исполнитель написал исследование на актуальную, почти никем не затронутую тему» [Пшуноков: Личный архив].

В 1978 выходит сборник «Песни». Единственное отдельное издание его произведений. Тексты и ноты. Всего пятнадцать песен, тексты одиннадцати из которых принадлежат перу Бетала Пшунокова. Книгу он посвятил памяти отца.

Сюжеты песенных текстов Пшунокова отражают разные грани его времени и разные типы людей, творящих это время. Его «Праздничная песня», «Свадебный танец», «Социализм достигнул звезд» и многие другие произведения вобрали в себя настроение и дух времени. Представленная здесь поэзия позволяет судить о том, что в равной мере виртуозно он владел средствами передачи комизма («Песня Каншао», «Песня Махмуда» и др.) и средствами передачи лирического переживания («Весна моего сердца», «Вглядись в мое лицо» и др.). Можно даже сказать, что это два основных плана «Песен»: лирический и комический. В том и другом случае преобладает незамысловатый, доходчивый слог и ритм, легко ложающийся на музыку. И эти характеристики относятся не только к текстам, которые представлены в сборнике. Как замечает во введении к изданию композитор Джабраил Хаупа, «Самое притягательное в произведениях Бетала – их коренная связь с народными песнями адыгов. Наверно поэтому они мгновенно становятся популярными» [Пшуноков 1978: 3]. Разнообразные по сюжету, они соединяются в целостную картину, в которой определенно преобладают радостные тона.

Принадлежность к определенной профессии – частый атрибут его героев. Так, лихой всадник, о котором поется в знаменитой песне «Хасанш», трудится табунщиком; Каншао, который «освещает всю округу» («Песня Каншао»), – монтер; над сданным в починку инструментом углубленно философствует настройщик гармони («Упреки настройщика гармони»). И в этом атрибуте, конечно, не только жизнерадостная пропаганда своего ремесла представителями различных профессий. Его герои обаятельны тем, что, как правило, наделены самоиронией и чувством юмора. Возможно поэтому его песни, нередко уже в новой обработке, остаются популярными и сегодня. И в характере героев песенных текстов, и в коротких юморесках Бетала Пшунокова вступает в свои права древняя стихия мироощущения адыгского джегуако.

Отдельный пласт творчества Бетала Пшунокова представляют драматургические сочинения. Он плодотворно сотрудничал с адыгскими драматургами, создавая песни для их постановок, сочинял также и собственные пьесы. Так, он автор песен к пьесам Хаути Дударова «Иныж и Куйцук», «Тайная свадьба». О собственных возможностях Пшунокова в жанре драматургии свидетельствуют трехактная драма «Не ищи чужую родинку», пьесы «Невестка, идущая по воду впервые», «Душечка», фарс «Пшинатль Сатаней».

Фарс «Пшинатль Сатаней» («Сэтэней и пшынальэ») убедительно продемонстрировал способность автора к оригинальной творческой обработке застывшего сюжета.

Все действие выстраивается вокруг хорошо известного эпизода нартского эпоса. Бетал Пшуноков остроумно выводит на поверхность конфликт (художественный и нравственный), который засвидетельствован в эпосе адыгов – это довольно странная с позиции житейской логики история появления на свет сына Сатаней, Сосруко.

Для разрешения конфликта и установления истины проводится судебное заседание с участием всех героев, причастных к этой загадочной истории – самой Сатаней, пастуха Соса, кузнеца Тлепша, Сосруко. Инициатива исходит от Сатаней, которая «будучи матерью-одиночкой, не имеющей никакой материальной помощи», оказалась вынуждена подать иск о взыскании алиментов с нартского пастуха Соса. Привлеченный к ответу Сос настаивает на том, что не имеет никакого отношения к этой истории, поскольку Сосруко, как всем известно, появился из камня: «...я никогда не встречался с Сатаней-Гуашей. Да могу ли я оставлять стадо без присмотра? Днем я пастух, ночью – что труп. Я видел Сатаней лишь раз, да и то занятую стиркой на противоположном берегу реки. Какие еще алименты?» (Перевод с кабардинского. – И.К.) [Пшуноков 2001: 141].

Великий кузнец нартов Тлепш, проходящий свидетелем, выполнил за свою жизнь «столько работ, что всего и не упомнишь», поэтому не может с уверенностью утверждать, что извлечение Сосруко из камня – дело его рук. Таким образом, повинувшись законам фарса, на стыке внешне непротиворечивой истории и истинного положения дел обнажаются характеры и ситуации, вызывающие искренний смех.

На долгие годы профессиональная деятельность Бетала Пшунокова свяжет его с Республиканским Домом народного творчества (позднее преобразованного в отдел народного творчества Министерства культуры КБАССР). Начав с работы старшего методиста, в последующем он станет заведовать отделом народного творчества в научно-методическом центре (1965 – 2008). Труд Бетала Пшунокова будет отмечен званием «Заслуженный работник культуры КБАССР».

На разных этапах творческой биографии можно обнаружить его выступления в периодической печати с размышлениями о проблемах развития и сохранения национального искусства. Судьба национальной культуры, ее нынешний облик, становятся главной темой его публицистических

размышлений. В их числе статья «То, что осталось незамеченным» («Гулъытэншэу къэна Гуэхугъуэ»). Бетал Пшуноков останавливается на нюансах развития национальной культуры, которые определяют ее имманентные основы и ее жизнеспособность. Он говорит о потерях, которые незаметно для себя несет культура, не сумевшая выработать простейшие способы самосохранения. Касаясь репертуара современного национального искусства, он показывает «болевые точки» сценического танца (как взрослого, так и детского), танцевальных мелодий, культуры ношения национального костюма. Лейтмотивом этой и других его статей проходит мысль о том, что все линии культуры тесно взаимодействуют, и при исчезновении одной невозможно полноценное сохранение другой. Верным индикатором и показателем культурной целостности выступает язык: «Национальная лексика сохраняется и развивается в ремеслах, в тех культурных явлениях, которые она обслуживает» (Перевод с кабардинского. – *И.К.*) [Пшуноков 1996: 143]. В подобных работах, равно как и в его художественном наследии, неизменно проявляется глубокая осведомленность Бетала Пшунокова в истории развития адыгской культуры, знание ее народных истоков.

Но проблема культурной памяти имеет и другой аспект – морально-нравственный. Не случайно на склоне лет он берется за написание своих воспоминаний. Эта работа осталась не завершенной, но и в таком виде она проясняет многое в его биографии, событиях его времени, а главное, удерживает бесценные обрывки сведений об отце, которого он лишился еще в семилетнем возрасте. Приведем некоторые выдержки из его воспоминаний.

Эпизод, в котором проявляется характер Мачраила Пшунокова, его открытое неприятие фарисейской риторики живописует фрагмент, озаглавленный «То, о чем мне рассказал Оришев Хамел»:

«После взаимных приветствий какое-то время он глядел на меня молча, затем произнес: «Он был немного выше ростом, а так, ты очень похож на бедного Мачраила».

Мы вместе учились в Ленинском учебном городке. Туда часто навещался Бетал Калмыков со своей супругой Антониной Михайловной. Бетал собирал нас, курсантов, и начинал беседу:

- Будущее и надежда Кабардино-Балкарии – это вы. Учитесь, овладевайте знаниями, а как придет время создавать семью, не связывайте жизнь с выходцами из враждебного нам класса. Парни и девушки, если желаете себе счастья, выбирайте себе таких же как и вы, из карахалка.

Бетал окончил речь, а когда разрешили обратиться к нему с вопросами, поднялся Мачраил. Участник гражданской войны, он был отважен и умен. В отличие от нас он при поступлении знал грамоту, был комиссаром селения.

- Бетал, вот ты сейчас сказал не связываться с теми, кто не принадлежит к карахалку, а я не могу понять, почему же ты сам развеялся с женщиной из карахалка и женился на невестке эмигрировавших Куденетовых, которую те оставили присматривать за своим именем. Еще до поступления в учебный городок я, будучи комиссаром селения, по распоряжению сверху национализировал это имя и организовал в нем для молодежи

сельскохозяйственное училище. А теперь та, у кого я именем советской власти экспроприировал это имение, стала твоей женой. По этому поводу в последнее время мне все чаще задают вопрос: «Мачраил, а ты не боишься?». Беталу не хватило терпения, чтобы не перебить твоего отца.

- И что же ты им отвечаешь?!

- Говорю правду: я – не из трусливых. Когда я воевал на гражданской, смерть не раз заглядывала мне в лицо. Таков мой сказ», – ответил Мачраил и сел.

Бетал сделал вид, будто слова Мачраила взволновали его не более чем вопросы других курсантов. Сказал, что сам принимает свои решения, и с кем бы ни связывался, со своей дороги уж точно не свернет. Да только любой, кто присутствовал при этом разговоре, прекрасно понимал одно – Бетал Калмыков смахивает на одного эфенди-недоучку, который заявлял: «делайте то, что говорю я, не делайте того, что делаю я».

Но верно и другое, нам стало страшно от высказываний Мачраила, не было сомнений, что рано или поздно тот ему отомстит» (Перевод с кабардинского. – *И.К.*) [Пшуноков: Личный архив].

Осмысливая трагедию поколения, к которому принадлежал Мачраил Пшуноков, нельзя упускать из виду и тот отлаженный механизм сокрытия правды, который на протяжении двадцати лет оставлял близких в мучительном неведении: «Я тогда впервые услышал о пенсии «по потере кормильца» <...> Мы не знали, жив наш отец, или нет. Больше склонялись к тому, что жив. Было в этой вере немало от желаемого, но было и то, что давало ей основание. В последний раз, когда мама отправилась в домзак, передачу для отца не приняли, сказав, что его осудили на семь лет и перевезли в другое место. После этого никаких вестей не было. Мы, будучи уже взрослыми, понимали, что такие справки выдает КГБ. Понимали и другое: если выдадут справку – значит его нет в живых, а если не выдадут – жив. О Аллах, пусть не выдадут, – повторяли мы.

Отправиться в КГБ решила старшая из нас – Таужан. Пошла, и получила злосчастную справку. Справка представляла собой специальный бланк, в котором по пунктам была изложена информация: год смерти, месяц, день, причина. Не указано (прочерк) только одно – местность, где его не стало.

<...> в 1957 году вышло распоряжение Н.С. Хрущева о реабилитации жертв политических репрессий. Составить письмо-обращение в Военную коллегия Верховного суда СССР мне помогла только что прошедшая через все это супруга М.Е. Талпы, арестованного в том же 1937.

Ответ на письмо я получил всего лишь несколько дней спустя, оканчивалось оно так: ввиду отсутствия вины Пшунокова Мачраила дело прекращено.

После этого наиболее сердобольные из наших писателей подсказали мне, что необходимо найти трех свидетелей, которые письменно подтвердят, что мой папа состоял в Союзе писателей, затем, приложив свое заявление, передать все председателю Союза писателей. Документы необходимо было отправить в

Москву, чтобы там рассмотрели, и восстановили членство в Союзе» (Перевод с кабардинского. – *И.К.*) [Пшуноков: Личный архив].

Очередным шагом в деле восстановления справедливости мог бы стать сборник работ Мачраила Пшунокова. Идею его издания предложил знавший Мачраила близко и в свое время часто обращавшийся к нему за творческим советом ученый Аскерби Шортанов. Он же подсказал Беталу обратиться с просьбой об ознакомлении с трудами, изъятыми при аресте, к заместителю начальника КГБ. Труды предоставить не смогли, а объяснение, полученное в личной беседе с начальником КГБ, оказалось неутешительным: «В то время из конфискованных при аресте трудов могли сохранить лишь то, что способствовало обвинению. Все остальное сжигали» (Перевод с кабардинского. – *И.К.*) [Пшуноков: Личный архив].

Несложно понять, с какой методичностью в первой половине минувшего столетия уничтожалась культурная плеяда Кабардино-Балкарии, а затем стирались следы их деятельности. Вытекающее отсюда, судя по всему, должно было привести к полному забвению имен, принадлежащих этой плеяде:

«Человечность призывает устанавливать в память об усопших надгробные камни, памятники. <...> Мы не говорим о чем-то затратном, подобном памятнику их современника, писателя, которому посчастливилось чуть больше, или же о находящемся поблизости памятнике убийце. Да и ценность, достойная большой группы деятелей, безвинно лишенных жизни, вряд ли определима.

Думаю, не лишне будет описать одну из возможностей.

Во-первых, необходимо переместить останки несчастных с места их захоронения (если это можно так назвать) на определенную территорию, предать их земле согласно обычаям, с молитвой. А чтобы эта местность была наглядна в любое время и для каждого, надо обязательно установить надгробие.

Надгробие можно создать без затрат. В нашей республике немало каменных карьеров. Привезти большой валун. Придавать ему геометрическую форму надобности нет. Поставить его у края могилы – вот и надгробие. Остается лишь отшлифовать одну сторону и сделать соответствующую надпись. У тех, кто должен быть там захоронен, немало родных, близких. Придет мусульманин – прочтает молитву, придет христианин – положит цветы. Не связанные родством тоже придут склонить головы, ведь не станут же обходить это место оттого, что не было на него больших затрат» (Перевод с кабардинского. – *И. К.*) [Бетал Пшуноков. Личный архив].

К сожалению, то положение дел, которое мы наблюдаем сегодня, заставляет признать, что рассекречивание места захоронения и возможность перезахоронения пока остаются под сомнением, однако идея памятника вполне могла бы воплотиться, и уже это было бы важным знаком противостояния забвению.

Внимание к личности и творчеству Бетала Пшунокова безусловно способно углубить контекст понимания событий XX века, его культурных и исторических событий. Но пока что это внимание ограничивается лишь одной газетной публикацией [Истепанова, 2010]. Между тем его литературное

творчество, в том числе и рукописное наследие, ждет своего вдумчивого исследователя.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Истепанова 2010 – *Истепанова З.* Нравится, не нравится – хлопать разрешается. К 80-летию Пшунокова Бетала Мачраиловича (На кабардинском) // Адыгское слово. – 2010. – 29 июня. – С. 3.

Личный архив Б.М. Пшунокова.

Пшуноков 1955 – *Пшуноков Б. М.* Стало ясно без слов. (На кабардинском) // Кабарда. – 1955. – № 9. – С. 139.

Пшуноков 1978 – *Пшуноков Б. М.* Песни. (На кабардинском). – Нальчик: Эльбрус, 1978. – 46 с.

Пшуноков 1996 – *Пшуноков Б. М.* То, что осталось незамеченным. (На кабардинском) // Ошхамахо. – 1996. – № 1. С. 142-143.

Пшуноков 2001 – *Пшуноков Б. М.* Пшинатль Сатаней. Фарс. (На кабардинском) // Ошхамахо. – 2001. – № 1. – С. 141-145.

REFERENCES

ISTEPANOVA Z. *Nravitsya, ne nravitsya – khlopat' razreshaetsya. K 80-letiyu Pshunokova Betala Machrailovicha* [Like, not like – clapping is allowed. On the 80th anniversary of Betal Machrailovich Pshunokov] IN: *Adygsкое slovo*. – 2010. – June 29. – P. 3. (In Kabardian)

Lichnyi arkhiv B.M. Pshunokova [Personal archive of B.M. Pshunokov]. (In Kabardian)

PSHUNOKOV B.M. *Pesni* [Songs] – Nalchik: Elbrus. – 1978. – 46 p. (In Kabardian)

PSHUNOKOV B.M. *Pshinatl' Satanei. Fars* [Psinatl Satan. Farce]. IN: *Oshkhamakho*. – 2001. – No 1. – P. 141-145. (In Kabardian)

PSHUNOKOV B.M. *Stalo yasno bez slov* [It became clear without words]. IN: *Kabarda*. – 1955. – No 9. – P. 139. (In Kabardian)

PSHUNOKOV B.M. *To, chto ostalos' nezamechennym* [What went unnoticed]. IN: *Oshkhamakho*. – 1996. – No 1. – P. 142-143. (In Kabardian)